

ЕЛЕНА РОДЧЕНКОВА

КАТАКОМБЫ

РАССКАЗ

Овраги на окраине городка раньше казались Мише горами. Каждую весну, сопровождая туда за подснежниками сестер, он удивлялся тому, что овраги мельчали, как-то сглаживались, слеживались за зиму. Будто зимой кто-то хлопал их сверху ладошкой, желая выровнять израненную людьми землю.

Овраги образовались после войны, когда местная машинно-тракторная станция наспех, чтобы не жечь ценный бензин и сберечь машины, выравнивала улицы разбомбленного городка и брала для этого гравий из высокого холма. Потом велось строительство жилых домов, потом — завода, потом фабрики, потом песок стали брать для асфальтового завода. Когда одумались, овраг уже расплозся по огромной территории. Его забросили, а городок принялся расти в другую, болотистую сторону — к озеру.

Овраги прозвали в народе катакомбами, и с тех пор, за тридцать лет они заросли кустами, кое-где осыпались, сровняв края, острые, как корки выеденного до тонкой кожицы арбуза.

В глубокой расщелине, как в исчезнувшей арбузной мякоти, пряталась забытым черным семечком угрюмая избушка. Издалека казалось, что она нарисована на фоне желтой песочной стены, но вблизи избушка оказывалась вполне настоящей, крепкой и пригодной для жилья. Жили в ней две старушки, которых детвора называла маленькими бабульками, а взрослые — богомолками. Ни возраста их, ни имен, ни откуда взялись они — никто не знал.

Мишка Безухов, он же Вареник, которую зиму за этих старушек переживал. Даже пару раз в эти зимние каникулы проехал на лыжах по гребню

РОДЧЕНКОВА Елена Алексеевна родилась в г. Новоржеве Псковской области. Окончила Ленинградский институт культуры и Ленинградский гуманитарный университет. Член Союза писателей России. Автор нескольких книг поэзии и прозы. Живёт в Санкт-Петербурге.

оврага, но спуститься не решился. Стоял наверху и смотрел на тонкую, серую нитку дымка, туманившую сверкающую белизну снега. Ни тропки, ни следочка. Лишь у дверей темнелся утоптаный снег. Значит — живые. Постоял Мишка Безухов, погоревал — где маленькие бабульки продукты и воду берут? — и порулил к дому на печку греться.

— Вот упрямые-то! — жаловался он вечером отцу. — Хотя бы их в дом престарелых определили, что ли? Ну хоть бы на зиму. Помрут ведь с голоду.

— Не помрут, — утешал отец, хлебая горячие щи. — Такие, как они — крепкие. Крепше самых крепких.

— А чего крепкие такие?

— Они верующие. В Бога верят.

— Зачем они ему верят? Он им что-то обещал?

— Может, и обещал...

— Хватит! — прервала мать. — Не морочь ребенку голову! И чтоб туда больше ни ногой! Не хватало еще кувырнуться вниз головой и шею сломать. Узнаю — выпорю!

— Ладно тебе, — рассердился отец. — Пусть ходят. Богомолки плохого не делают.

— Не сделают... — заворчала мать, — А овраг? Осыплется если? И потом — запугают они детей, а меня в школу вызовут. Он ведь дурной, начнет в школе про Бога говорить.

— А вот так, — невпопад согласился отец. — С этим, сынок, не шути. Это, сынок, не шутки.

— С Богом? Или со школой?

— А вот так вот... — сказал отец и виновато, исподлобья зыркнул на мать.

А Мишке стало понятно, что есть какая-то тайна, которую знают маленькие бабульки, о которой слышал краем уха отец и которую боится мать. Мишке тоже захотелось знать эту тайну и тоже стало боязно от того, что вдруг он ее узнает. Все это как-то взволновало и растревожило его, будто он тоже что-то знал, но стукнулся где-то головой и все позабыл.

С маленькими бабулками дети дружили, но в доме их не бывали. Бабульки хоть и были крепкими, но запасались на зиму лекарствами, видно, все-таки хворали. От аптечных пузырьков оставались разноцветные пластмассовые пробки, которые хорошо подходили на замену потерявшихся шашек. Девчонки тоже пускали их в дело: мастерили из колбочек чертополоха разных чудищ, а из пробок делали чудищам глаза, носы и рты. Пустые пузырьки маленькие бабульки сдавали по весне назад в аптеку.

— Вареник! Выходи!

Мать сорвалась с места:

— Я тебе сейчас выйду! Сам ты пельмень! — высунувшись в форточку, закричала она.

— Лиза, — укоризненно вздохнул отец. — Это ж дети.

— Я тебе дам — дети! — продолжала кричать мать в форточку.

Мишка, улучив минутку, пока родители заспорили, выскользнул в дверь.

— Зачем дразнишь мамку? — рыкнул он на соседа Серегу.

— Да выскочило. Сам не знаю как.

— Счас пойдет опять к твоей. Бежим на катакомбы.

— Девки возьмем?

— Куда их денешь, придется.

Девки — четыре белобрысых и безбровых, как на подбор круглолицых и голубоглазых: две Мишкины сестры и две Серегины — играли "под магазин". На кирпич положили досочку и взвешивали камушки, травки, веточки и цветки. Расплачивались фантиками с нарисованными цифрами. Галя, старшая, была продавщицей, остальные три стояли у прилавка друг за другом, изображая очередь, и теребили в руках фантики — считали.

— Девки, айда за цветами!

Очередь не шелохнулась. Все хотели купить камушков, а камушков было мало.

— Идете или нет?

— Не мешайте работать! — воскликнула продавщица Галя. — Встаньте в очередь, товарищи, а то вызову милицию!

Сергея с Мишкой послушно пристроились в хвосте за самой младшей Ксюшей.

— Если не пойдете, то мы одни... — попытался пригрозить Миша.

— Маме скажу, — процедила сквозь зубы Галя, сосредоточенно считая на деревянных игрушечных счетах.

— Ты считать-то не умеешь, — сказал Серега.

— Не важно. Соблюдайте очередь. Конфет всем не хватит.

— А которые — конфеты?

— Да вон, камушки беленькие, — заволновалась Ксюша. — Мне, наверное, не хватит...

— Ксюш, пойдём на катакомбы, — предложил Миша сестре, но та неотрывно смотрела на Галины руки.

Отстояв в очереди полчаса, Серега уже расхотел идти за цветами и, купив на выданные Лидой фантики кулечек с нерасцветшими одуванчиками, швырнул покупку далеко в кусты и пошел домой за великом.

— Это нечестно! Мы с вами! Маме скажем! — завопили девки. — Вы на великах поедете, а их у вас украдут! Мы обязаны караулить!

— Ладно, Серый, пусть, — буркнул Миша, — Собирайтесь.

Девки мигом покидали в большую картонную коробку свой “магазин” и поволокли ее в кусты сирени, где скрывалась от глаз разведчиков с соседней улицы отстроенная Мишкой и Серегой под комсомольский штаб шалаха. Шалаха была постепенно оккупирована девками под хозяйственные нужды.

— Выброшу коробку, — пригрозил Миша.

— А мы скажем, что курите, — пообещала Галя.

— Мы не курим.

— А мы скажем.

...Весна случилась ранняя, суетливая и неопрятная. Будто нервничала от излишней своей смелости и стеснялась силы. Несколько внезапных, как луч фонарика во тьме, жарких дней растопили снег и отогрели желтые цветочки мать-и-мачехи. Вдоль оврага на припеке зазеленела трава, а по низу, где кое-где оставались нетронутыми белые сугробы, на белесых кочках, тронутых смуглой дымкой, пробивались слабые, тусклые звездочки этих веснушек весны.

А потом весна вдруг застеснялась, опустила свое конопатенькое лицо долу, и ее, смиренную и покаянную, начал терзать осмелевший холод и ветер. Она терпела, потупив взор, веснушки ее побледнели и исчезли вовсе.

— Холодно... — пищала Ксюша, примостившись на багажнике Мишкиного велосипеда. Резинка на ее левом чулочке лопнула и потерялась где-то, и чулок сгрудился возле ботинка, обнажив худую ножку и грозя попасть в велосипедное колесо.

Мишка слез с велосипеда и ссадил Ксюшу.

— Где резинка?

— Потерялась, — захныкала Ксюша, тщетно пытаясь приладить чулок на прежнее место.

— Носила бы лучше брюки, — сердито сказал Мишка, раскрыв велосипедную аптечку и отыскивая там что-нибудь подходящее для чулка.

— Я девочка!

— Веревка подойдет?

— Шнурочек хоть бы какой, — ныла Ксюша.

Мишка привязал веревочкой край чулка к поясу Ксюшиного платья.

— Нормально. Попроси у мамы мои штаны с начесом старые, — посоветовал он сестре.

— Нам не положено, — гордо ответила Ксюша. — Мы октябрята, будущие пионеры, — и полезла на багажник.

Когда Миша с Ксюшей подъехали к краю оврага, в кустах, где они обычно прятали велосипеды, никого не было.

— Не подождали нас! — захныкала Ксюша.

Миша пристроил свой велосипед в траву недалеко от Галиного и Сергиного.

— А давай их велики спрячем! — злобно предложила Ксюша. — Вот поищут-то!

— Видишь, какая! А еще октябренок! — укорил сестру Миша. — Пойдем догонять.

— А Галя-то, Галя. Сестра называется, — обиженно шептала Ксюша, торопливо семена следом за братом и поддерживая одной рукой опасно обвисший шерстяной чулочек.

Старая тропка, ведущая вниз катакомбы, оттаяла и уже успела просохнуть. Никаких следов на ней не было, и Миша почувствовал вдруг, что идет там, где давным-давно никто не ходил.

— Может, они нас где-то ждут? Может, прячутся? — предположил он вслух. — Се-ре-га!

Крик потонул в готовых зазеленеть зарослях.

— Серый! — крикнул Миша громче, но и этот звук был проглочен оврагом.

— Чего-то мне страшно, — пожаловалась Ксюша, хватаясь за Мишкину штанину.

— Дурачатся, — сказал Мишка. — Притаились где-то и ржут. Наблюдают за нами. Не ной.

— Галя! — пискнула Ксюша, зовя сестру. — Оленька! Лида!

Голосок ее, тоненький, как острие кнопки, царапнул окаменевшие стены катакомб и соскользнул, не сумев зацепиться, сломав всю хрупкую ножку.

— Да чего мы их зовем! — воскликнул вдруг Миша. — Они давно внизу! У маленьких бабулек!

Он указал рукой вниз, где в глубокой расщелине качалась тонкая, плавная волна серебристого дыма, под которым притаилась черным шалашиком крыша старого дома.

— Связался я с тобой, — рассердился вдруг Миша на сестру. — Вечно у нее то чулки, то носки, то понос, то золотуха... Серега, наверное, решил, что я тебя домой повез, плакса! Давай руку.

— Я не плакса, я не виновата, что резинка оборвалась, — оправдывалась Ксюша, крепко держа брата за руку и стараясь не отставать. Второй рукой она цепко держала болтающийся чулок.

— Опа! — остановился вдруг Миша, — А здесь обвал... Давай-ка мы с тобой напрямую, вниз, на куртке. На полах съедем...

— Я не буду на полах!

Тропинка обрывалась небольшой ямой, за которой плавным, ровным ковром растилась вдоль склона ярко-оранжевая песочная простыня с торчащими кое-где из нее корнями и корягами.

Миша снял болоньевую куртку и расстелил на траве.

— Боюсь, я, боюсь, — занудила Ксюша, усаживаясь на колени брата.

— На санках не боишься, и тут не бойся.

— А круто как! Кувырнемся...

Старая, скользкая куртка зашуршала по лысоватому крутому склону. Миша, лежа на спине и крепко держа в охапке сестру, оттолкнулся пятками и заскользил боком вниз по склону.

— Ой-ой-ой, — причитала Ксюша, восторженно брыкаясь ногами.

Бесценная куртка, которая чего только не испытала, не подвела и на этот раз.

— Круто, — покачал головой Мишка, оглядывая преодоленный склон. — Могли бы и перекувырнуться воцпе-то... — сказал он себе с укоризной.

— А назад-то как, Миш? — спросила Ксюша.

— Назад?

Мишка очень удивился, а потом поскучнел и стал чесать затылок.

— А назад — как? Правда... В обход?

— Спросим у кого-нибудь, — подсказала Ксюша.

— Ага! Тут ведь народу полно.

— Бабульки знают.

Маленькие бабульки сидели на лавочке возле дома, подставив холодному весеннему солнцу свои светлые лица. Они совсем не удивились, увидев детей.

Бабульки были не похожи друг на друга: одна востроносая, с высоким, выпуклым лбом, а другая круглолицая, с пухлыми щеками.

— Здравствуйте! — вежливо поздоровались Миша и Ксюша.

Старушки кивнули приветливо, но с лавочки не поднялись. Миша подумал, что их бабка Феня уже давно бы подскочила и защебетала на все лады.

— А где ребята? — спросила Ксюша.

Бабульки переглянулись.

— Нет их здесь, не видишь, что ли? — укоризненно сказал Миша.

— А где ж они тогда? — забеспокоилась Ксюша. — Извините, вы не видели Сережу и девочек? — спросила она бабулек.

Одна из них вдруг поднялась и быстро пошла в дом. Другая похлопала ладонью по освободившейся лавочке. Дети послушно сели рядом. Немного помолчали.

— У вас там земля осыпалась. Давно? — спросил Миша.

Бабушка посмотрела на него и промолчала.

— А как вы зимой жили? — вежливо спросила Ксюша.

— Не перебивай, — рассердился Миша и повторил: — Земля, говорю там...

Старушка кивнула.

— А что вы ели? Чем питались, говорю? — по-взрослому спросила Ксюша. — А то у вас ведь ни огорода, ни магазина...

Мишка ткнул сестру в бок локтем.

Старушка потерла высокий свой лоб, покрепче подвязала платок, поднялась со скамейки и тоже пошла в дом.

— Онемели они, что ли, — спросил Серега.

— Может, разучились говорить, — сказала Ксюша. — А ты был у них когда-нибудь в доме?

— Был, два раза...

— Может, они ведьмы? Зачем ты меня сюда привез? Где наша Галя?

Ксюша оттопырила нижнюю губу и собралась плакать.

— Они не ведьмы, они добрые, — успокоил ее Миша.

— А где ж тогда Оленька, Лида, где Серега? Может, они их в печку посадили? И зажарили...

Ксюша распахнула в ужасе глаза, вспомнив картинку из книжки “Гуси-лебеди”.

— Иди в дом, посмотри! — велела она брату. — Может, они там в плену... Ой, боюсь я, боюсь!

Ксюша всплеснула руками и в ужасе прижала ладошки к щекам.

— Пойдем вместе, — велел Миша. Он вдруг поверил, что с ребятами произошло что-то плохое.

В маленьких, темных сенях вкусно пахло керосином. Мишка даже сглотнул пару раз сладкий запах своей мечты о мотоцикле.

— Иди тихо, не вспугни, — посоветовала Ксюша, держась двумя руками за штанину брата.

Мишка нащупал в темноте ледяную железную ручку входной двери и остановился в нерешительности.

— Что? — замерла Ксюша.

Мишка секунду подумал и рванул дверь.

Маленькую кухоньку от комнаты отделяла тонкая перегородка. Слева от дверей висел рукомойник, справа дышала теплом печка.

— Здравьете! — громко сказал Мишка, но никто не ответил.

На столе, в картонной коробке лежали разноцветные пластмассовые пробки, видимо, приготовленные для детей.

Мишка прошел к перегородке и осторожно заглянул в комнату.

Одна бабулька стояла в углу лицом к иконам и что-то шептала. Плечи ее резко вздрагивали, будто она ежесекундно пугалась. Вторая, востроносая, сидела на диване, напряженно сжав руки.

— Можно зайти? — спросил вдруг Мишка и испугался своего голоса.

Бабулька вскинула голову и растерянно улыбнулась. Вторая продолжала молиться.

Свет тусклой лампы плохо освещал комнату, лики на иконах показались вдруг Мише живыми. В какое-то мгновение ему привиделось, что среди них строго и серьезно смотрели на него Серега, Оленька, Лида и сестра Галя.

Мишка поежился.

Ксюша неожиданно осмелела, вошла в комнату, подошла к старушке, присела рядом на топчан.

— Вот так вы тут и живете... Да? — спросила она сочувственно. — Хорошо у вас. Тепленько, — сказала она, утешая старушку, будто та была маленькой, несчастной девочкой.

Старушка слабо улыбнулась.

— А это кто там такой? — спросила Ксюша, будто увидела давнего знакомого. — Бог?

Она внимательно разглядывала иконы.

— Как много Богов у вас... — вежливо заметила она. — А у нас нет ни одного. Мама не разрешает, а то в школе узнают. Мы — октябрята, будущие пионеры. А вы — кто? Богомолки?

Старушка подняла сухую руку и осторожно провела пальцами по Ксюшиной голове — даже не погладила, а только чуть тронула ее вязаную шапочку.

— Мы вообще-то за пробками пришли, — напонила ей Ксюша.

Старушка кивнула.

— А вот эта бабушка почему плачет? Бог ее ругает? За что?

Ксюше захотелось подойти ко второй старушке, взять ее за руку и попросить не плакать. Она поднялась с топчана, но наткнулась на запрещающую руку.

Бабулька строгим жестом указала Ксюше и Мише на дверь.

Ждать на улице пришлось недолго. Через несколько минут востроносая старушка вынесла из дома две лопаты и, махнув детям рукой, стремглав помчалась вдоль оврага. Вторая, круглолицая, чуть прихрамывая, поспешила за ней.

— Куда они? — оторопел Мишка.

Ксюша схватив брата за руку, прошептала обреченно:

— К обвалу... Их засыпало, Миша...

Мишка, как замороженный, пошел за двумя старушками. Он смотрел на развевающиеся на ветру их черные накидки, на старые, стоптанные войлочные ботинки и медленно цепенел от осознания того, что им ведомо нечто ужасное и неотвратимое, то, что он не может даже представить.

— Я упаду, я упаду! — бормотала Ксюшка, спотыкаясь о свалившийся чулок, но бежала быстро.

Не отпуская руку сестры, впившись ледяными от страха глазами в худые спины маленьких бабuleк, Мишка побежал, сознавая, что никто и ничто не сможет остановить его тяжелого движения вслед за их знанием, которое уже почти ведомо ему.